

Лохмотья не спасали ни от пронизывающего ветра, ни от сырости. Мао Сяофэй шмыгнул носом. Он твёрдо решил: как только заложит заколку из зеленой яшмы, сразу справит себе приличную одежду — хуже этой рванины всё равно ничего не найти. Кое-как обтерев лицо грязным рукавом, он ощупал щёки, проверяя, не осталось ли на них грязи, и только после этого робко переступил порог ломбарда «Благодатный урожай».

Внутри вовсю гремели костяшки счетов — дело шло к позднему вечеру, к часу Свиньи. В лавке толкался народ, но едва завидев Мао Сяофэя, люди брезгливо зажимали носы и шарахались в стороны. В ломбард редко заглядывают от хорошей жизни, но какова бы ни была нужда, бедолаги старались нарядиться в самое приличное платье, лишь бы не терпеть презрительные взгляды приказчиков. Сяо Фэй же на их фоне выглядел сущим оборванцем.

Сяо Фэй робко замер у высокой, по самую грудь, стойки. Никому до него не было дела. Ловкие пальцы приёмщика стремительно летали по костяшкам счетов, и этот непрерывный сухой треск заставлял веки юноши нервно подёргиваться. Он испуганно облизнул губы и наконец выдавил:

— Уважаемый... мне бы заложить вещь.

Эти слова дались ему с трудом — они будто раскалённым углём выкатились из горла, принеся секундное облегчение, но оставив после себя саднящую боль.

— Что за вещь? — приёмщик мазнул по нему равнодушным взглядом и швырнул на край стойки тетрадь. — Сначала запишись вон там, у стола. Как закончишь, вернёшься.

У широкого дубового стола толпилось человек пятнадцать: от изнеженных барчуков до оборванных попрошайек. В ломбарде со всеми говорили на одном языке — на языке залогов. Но едва Мао Сяофэй подошёл ближе, по залу прокатился тихий шёпот. Юноша ничего не замечал. Он усердно тёр онемевшие от холода пальцы, пытаясь расцепить склеившиеся бумажные листы регистрационной книги. С хрупких страниц при каждом движении летела серая пыль.

Мао Сяофэй не выдержал и звучно чихнул.

— Эй! Ты чего творишь? Заразить меня вздумал, паршивец? — тут же взвился стоявший рядом мужчина.

— Простите, — поспешно повинился юноша.

— «Простите» и всё?! Ты на рожу мою посмотри! Всю слюнями обдал, пакость какая!

Лихорадка терзала Сяо Фэя ещё с тех пор, как он ушёл от приёмного отца, поэтому мысли в голове ворочались туго. Он с трудом сфокусировал взгляд на крикуне. Перед ним стоял Эрдинцзы — слуга из поместья князя Аньяна, который когда-то прислуживал Сяо Фэю во

внешних покоях. У этого малого было вытянутое, лошадиное лицо с вечно опухшими веками, а на губах блуждала спесивая ухмылка. Прозябая в тёмной каморке для челяди, он редко показывался на люди, но при любой возможности любил поважничать. Хотя в самом поместье, разумеется, ходил тише воды, ниже травы — там любой слуга был выше его по положению.

— Это не слюни, — негромко, но отчётливо произнёс Сяо Фэй. — На улице ливень, вы просто лицо плохо вытерли.

— Ишь ты, заговорил! Хочешь сказать, я на тебя наговариваю? Да на кой ты мне сдался, оборванец! Или всё ещё мнишь себя княгиней-консорт?

Голова Сяо Фэя раскалывалась от жара, в ушах звенело так, словно туда залетел рой назойливой мошкеры. Он не хотел слушать, но грязные перешёптывания толпы безжалостно вонзались в уши:

— То-то я гляжу, рожа знакомая! Это же тот самый поварёшка, которого князь Аньян в дом притащил! Помните, шестнадцать носильщиков, три круга почёта по улицам, праздничные огни до рассвета... Столько серебра в никуда ухнули! И надо же, припёрся в ломбард побираться.

— Да и смотреть-то не на что. Девкам он и в подмётки не годится, да и новому любимчику из Павильона Весенней Груши тоже. Гляньте на его клешни — чистый чернорабочий.

— Зато шершавые ладони в некоторых делах погорячее будут. Не притворяйся, будто сам знаешь, каково это.

— Да ну тебя!

— Слыхал, его на днях выставили вон. Неужто так быстро опустился?

— Князь Аньян — человек суровый. Небось приложил руку, чтоб тот жизни не радовался.

— Плевать князю на эту шваль. Зачем ему мараться? Вы лучше спросите, за какой грех его попёрли.

— Ого, а за какой?

— За самый позорный для любого мужа грех. Ну же, неужто сами не догадались?

По залу покотился гнусный хохот. Разноголосый гул давил на виски, но одна фраза, брошенная совсем тихо, почему-то прозвучала отчётливо:

— С виду замухрышка, а поди ж ты! Видать, в постели настолько ладен да бесстыж, раз сумел самого князя Аньяна окрутить.

— Тише ты, он оглянулся.

— Да плевать мне! — лоснящийся от пота и дождевой влаги щеголь смерил Сяо Фэя ленивым, презрительным взглядом. Но стоило ему открыть рот, чтобы продолжить глумление, как прямо в челюсть ему прилетел увесистый кулак. В глазах барчука мгновенно вспыхнули искры.

— Ах ты, тварь подзаборная...

Мао Сяофэй бил наотмашь, вложив в удар все остатки сил. Ошарашенный щеголь отшатнулся, но и сам юноша, потеряв равновесие, рухнул на пол. Ситуация мгновенно перевернулась: барчук быстро опомнился и дважды приложился кулаками к лицу парня, разукрасив его знатными фингалами. Задыхаясь от боли, Сяо Фэй вскинул голову и с размаху боднул его лбом в переносицу. Противник повалился навзничь, но и для самого Сяо Фэя этот удар стал последним — в голове помутилось. Заваливаясь на бок, он почувствовал, как чьи-то грубые пальцы вцепились в его воротник. Сил бороться не осталось, звуки окончательно смолкли, и сознание угасло в беспросветной тьме.

Струя ледяной воды хлестнула по лицу Мао Сяофэя и сбежала в грязь.

Книжный отрок, бережно державший зонт над своим хозяином, зябко поёжился. Он опасливо покосился на обмякшее тело юноши и прошептал:

— Молодой господин, как бы беды не вышло. Хоть князь Аньян и выставил его вон, вдруг тот ещё вернёт себе расположение? Проучили малого — и ладно...

— Молодому господину Су не о чем беспокоиться, — донёсся угодливый голос из темноты.

Из тени переулочка вынырнул человек с длинным лошадиным лицом. Он заискивающе скалился, прятал ладони в рукава и гнул спину, являя собой пример идеального подхалима.

— Я служу у князя Аньяна, так что про эту шваль знаю абсолютно всё. Спрашивайте, не стесняйтесь.

— Молодой господин... — жалобно выдавил книжный отрок.

— Заткнись, — бросил молодой господин Су и наградил служку звонкой оплеухой. Тут же его ладонь скользнула по нежной, белой коже подбородочка отрока, бесцеремонно нырнула под ворот, по-хозяйски стиснула плоть и отпустила. Мальчишка, сглотив слёзы, протянул шелковый платок, чтобы господин обтер пальцы, и затих, боясь дышать.

— Всё знаешь, говоришь? — лениво протянул Су.

Его папаша слыл в городе личностью приметной и не гнушался никаких порочных забав. Младший Су талантами в отца не пошёл — хватка была слабовата, — зато страсть к утончённым мерзостям унаследовал сполна. Едва император начертал на указе священную киноварь, позволив мужчинам брать в жёны мужчин, барчук тут же подхватил поветрие и приобрёл себе наложника. Войдя во вкус, он положил глаз на смазливую служку старшего брата и выменял его на породистого скакуна. Впрочем, и эта забава в последнее время стала ему приедаться.

— Раньше-то мне не везло, приставили к этой падали личным слугой, — оскалился Эрдинцзы.
— Благо, князь наш вовремя прозрел и пинком его под зад выставил. Вы не смотрите, господин Су, что он с лица невзрачен, в постели этот сучонок — сущий бес. Пыл у него дикий.

Барчук плотоядно прищурился и улыбнулся:

— Ладно, остальное пустое. Но откуда тебе-то знать, каков он в деле?

— Так я же за ним грязь убирал! Обмывать его приходилось, воду таскать... Он даже в купели умудрялся так извиваться, что...

От этих откровений у молодого барина загорелись глаза. Он нетерпеливо махнул рукой охране, велел поднять бесчувственного парня, но Мао Сяофэй тут же соскользнул обратно в зловонную жижу. Су-шао недовольно цыкнул.

— Поднимите его. Нечего в этой темени возиться. Живо дуйте в Павильон Весенней Груши и возьмите комнату потише, чтобы никто под руку не лез и удовольствие не портил.

— Молодой господин, — пролепетал книжный отрок, — вы ведь за прошлый раз Чжу-нян ещё пятьсот лянов серебра недоплатили...

Су-шао насупился и так яростно ущипнул мальчишку, что у того выступил холодный пот. Терпя боль, служка не посмел даже пикнуть, чувствуя, как он дважды тяжело хлопнул его по ягодицам, точно по лошадиному крупу.

— А на кой чёрт мы, по-твоему, заложили резные кубки из самшита и свиток Кан Цзыхуна в «Благодатный урожай»? Ты что, оглох, недоумок? Живо дуйте туда и заberi деньги!

Мальчишка с трудом сдерживал слёзы. Смягчившись, господин ухватил его за подбородок и с силой впился в бледные губы.

— Ладно, не ной, — примирительно буркнул он. — Вот улажу дела, и мы вернёмся. Я тебя без награды не оставлю. Давай, одна нога здесь, другая там. Даю тебе полчаса.

Су-шао с вожделением потёр жирные ладони и присел на корточки, даже не заметив, что подол его дорогого шёлкового халата волочится по грязи. Краем глаза он заметил, что Эрдинцзы пытается тихонько улизнуть.

— Стоять.

Эрдинцзы словно громом поразило. Он одеревенел, медленно повернулся и выдавил кислую, подобострастную ухмылку:

— Чего изволит господин Су?

— Моим парням ещё со мной возвращаться, негоже им пачать чистые одежды о тушу этого оборванца. Раз уж ты у нас такой разговорчивый и любопытный — пойдёшь с нами. Тащи его.

— Господин... да я ведь не из-за награды...

— Мне что, прикажешь своим людям этого грязного борова на закорках нести? Если отец их увидит в таком виде, что мне ему сказать? Что они с бродячими псами сцепились?

Делать было нечего. Эрдинцзы со вздохом взвалил бесчувственного Мао Сяофэя на плечи. Мысленно исчадие ада проклиная, он покорно потащил ношу вперёд, стараясь не подавать виду.

Над тёмными переулками, едва освещёнными тусклыми фонарями, нависло беспросветное грозное небо, давящее на грудь тяжёлым, удушливым грузом.

В Павильоне Весенней Груши вовсю гремела разудалая музыка. Слуги, едва завидев мертвенно-бледное лицо вошедшего князя Аньяна, сразу поняли: дело худо.

— Что стоите, олухи?! Несите таз!

Едва перед ним поставили начищенную до блеска медную плевательницу, Янь Нинжуна шумно вырвало. Вино выходило наружу вместе с желчью, оставляя во рту невыносимую горечь. Молодой хост, только-только начавший неторопливо развязывать пояс на своём халате, проявил завидную чуткость: он поднёс господину чашу с тёплой медовой водой, мягко запахнул полы одежд, прикрывая усыпанную багровыми следами грудь, и ласково прошептал князю на ухо:

— Ваше Высочество сегодня не в духе. Изволите остаться у меня или прикажете ехать в поместье?

Пьяно рассмеявшись, князь тяжело опустил голову на колени своего нового любимчика и

лениво погладил его по подбородку:

— Не поеду никуда. У тебя останусь, лень тащиться.

Комната тут же ожила: слуги бесшумно забегали, один бросился стаскивать с господина сапоги, другие принесли горячую воду и чистые полотенца — всё завертелось быстро и слаженно.

За последние полмесяца Янь Нинжун проводил здесь едва ли не каждую ночь, явно вознамерившись сделать из этого смазливой мальчишки главного фаворита Южного двора в Павильоне Весенней Груши. Купленная ласка всегда слаще: этот малый не перечил, на вкус был сладок, не досаждал расспросами, знал меру во всём, да к тому же прекрасно владел искусствами.

Князь Аньян был вполне доволен. Вспоминая былые годы, он корил себя за глупость: раньше ему казалось, что эти продажные забавники грязны, а домашняя челядь — чиста и невинна. Но разве дворовые слуги умели так ублажать? И близко нет. В конце концов, за что уплачено, то и получено. Князь уткнулся лицом в нежную шею юноши, вдыхая сладковатый аромат благовоний, и почувствовал, как душу наполняет волна пьяного самодовольства и покоя.

Когда Мао Сяофэй открыл глаза, веки пронзила острая боль. С трудом разомкнув ресницы, он увидел перед собой мужчину, который торопливо развязывал пояс на штанах.

От ужаса остатки сна мгновенно испарились. Превозмогая боль, Сяо Фэй вгляделся в полумрак.

Перед ним стоял Эрдинцзы. От ярости у юноши перехватило дыхание:

— Ты как здесь оказался?! Это...

Оглядевшись, он понял, что в жарко натопленной и ярко освещённой комнате они не одни. На резном стуле сидел упитанный барчук. Заметив, что пленник очнулся, он перестал лениво обмахиваться веером.

— Чего застыл? — глумливо бросил барчук. — Что, рука на бывшего господина не поднимается?

— Как можно, господин Су, — пролепетал Эрдинцзы.

Он посмотрел с крысиной злобой. Сбросив штаны на пол, он навалился на связанного Сяо Фэя и отвесил ему две хлёсткие затрещины.

Связанный по рукам и ногам Сяо Фэй лежал на ледяном полу, спина затекла от жёстких досок. Когда его ветхую рубаху с треском разодрали до пояса, обнажив худое тело, он инстинктивно сжался.

— Сам виноват, не хрен было ерепениться, — прошипел Эрдинцзы и бесцеремонно полез руками к его паху.

Сяо Фэй прищурился. Когда слюнявая харя Эрдинцзы ткнулась ему в лицо, парень изо всех сил сомкнул челюсти на его губе. Кровь брызнула фонтаном. Насильник истошно завыл:

— Отпусти, тварь! Сука, пусти, мать твою за ногу!

Забыв обо всём на свете, он обеими руками вцепился в челюсть Сяо Фэя, пытаясь пальцами разодрать ему рот.

Вся ярость и обида за последние недели хлынули в голову Сяо Фэя. Он сжал зубы со всей нечеловеческой силой, какая у него оставалась, и в следующее мгновение буквально вырвал кусок плоти из губы мучителя.

Дикий, истошный вопль лишь сильнее разжёл похоть в груди господина Су. Он поспешил подойти ближе, смакуя зрелище, но Эрдинцзы уже с воем катался по полу, пока не врезался в массивную ножку стола. Весь его подбородок был залит кровью, обнажённые зубы скалились из разорванной плоти — от нижней губы остался лишь рваный кусок.

— Строптивый какой! Обожаю таких, — хищно осклабился Су-шао. — Эй, принесите-ка клещи. Хорошо, что напомнил — надо вырвать ему зубы, чтобы рот понапрасну не разевал. Так-то оно безопаснее будет.

Мао Сяофэй рванулся всем телом и с силой сплюнул кровь, стараясь попасть Су Эру прямо в лоснящееся лицо, но сил не хватило — кровавая слюна лишь запачкала его собственную грудь.

— Помогите... Спасите... Эй, кто-нибудь! — Только завидев тяжёлые железные клещи, Сяо Фэй окончательно пришёл в ужас. Окровавленные губы мелко задрожали, он забился на полу, извиваясь всем телом. Грубые верёвки до мяса разодрали запястья и лодыжки, но он не замечал боли, пока силы окончательно не иссякли. Зажмурившись, Сяо Фэй истошно закричал:

— Убивают! Помогите! Где я?!

Внезапно он резко выгнулся дугой, и его спина с глухим стуком приложилась о деревянные доски.

— Эрдинцзы, ублюдок, мать твою за ногу! Сволочь, гнида, нелюдь...

Холодные пальцы бесцеремонно разжали его губы. Сяо Фэй попытался цапнуть их, но ему в рот грубо запихнули два крупных сухих ореха. От боли и удушья из глаз брызнули слёзы, он мог лишь исходить слюной и хрипеть, издавая глухие, клопочущие звуки, похожие на свист ветра в печной трубе.

— Рви все к чёртовой матери. Слишком зубастый попался, мне калекой остаться неохота. Наш род Су знатен и богат, мне ещё предков славить, а не с разорванным брюхом ходить. Давай, рви.

Молодой барин неторопливо пригубил остывающий чай. Слыша отчаянное, полное безысходности мычание жертвы, он довольно прищурил заплывшие жиром глазёнки.

Дикая, разрывающая сознание боль ослепила его, но Мао Сяофэй с удивлением осознал, что всё ещё дышит. Лицо судорожно перекосило, по шее струилась липкая смесь слюны и горячей крови. Он слабо соображал, что происходит, понимая лишь одно: одного из нижних резцов больше нет. Боль заполнила всё его существо, тело крупно дрожало и выгибалось в непроизвольных судорогах, совершенно отказываясь повиноваться разуму.

Скрип открывшейся двери уже не обещал спасения. Сяо Фэй вяло повернул голову и оцепенел: в проёме показалось лицо Янь Нинжуна. Решив, что это бред воспалённого разума, он зажмурился и мотнул головой, силясь рассеять наваждение, но когда снова открыл глаза — князь Аньян всё ещё стоял на пороге.

— Я-то думаю, какая тварь тут визжит на весь кабак, спать не даёт, — раздался ленивый, холодный голос князя Аньяна. — Су Эр, твой папаша припрятал на пристани партию товара, на которую нет разрешения от Министерства налогов. Я ведь не просто так государево жалованье получаю, пора бы и мне сослужить службу моему царственному брату-императору.

Мао Сяофэй бессильно закрыл глаза. Из-под век катились слёзы, смешиваясь на искусанном лице с кровью и грязью.

Су Эр от страха едва не лишился чувств. Колени его подогнулись, он уже готов был рухнуть на пол и умолять о прощении, но Янь Нинжун брезгливо вскинул ладонь:

— Ты прервал мой сон, а за такое можно и головы лишиться. Не желаю больше слышать ни звука. Проваливай отсюда, пока я добрый.

Су Эр испуганно вжал голову в плечи и буквально выкатился за дверь. Лишь в коридоре слуги помогли ему подняться. Поминая всех демонов, в разорванных, испачканных одеждах он бросился бежать прочь из заведения прямо под проливной дождь.

Янь Нинжун устало потёр виски. Эрдинцзы, немного оправившись от пережитого ужаса, повалился ниц и принялся мелко дрожать, не смея пикнуть.

— А ты ещё что за чучело? Чего застыл? Ждёшь, пока мои люди тебя пинками проводят? Пошёл вон вслед за этим недоумком.

Эрдинцзы испуганно икнул, вскочил и, согнувшись в три погибели, бросился вон из комнаты.

Князь Аньян даже не признал в избитом мужике собственного слугу. Зато несчастного на полу он узнал сразу же. На это тощее тело, до которого сам толком ещё не успел добраться, уже успел поглазеть добрый десяток чужих глаз. Янь Нинжун брезгливо поморщился, но тут же повернулся к своему новому фавориту и, ласково улыбнувшись, обнял его за плечи:

— Сплошная головная боль, даже выспаться спокойно не дали. Пожалуй, вернёмся в моё поместье. Поедешь со мной? А завтра я велю привезти тебя обратно и подарю тот самый свиток Кан Цзыхуна, о котором ты так долго просил. Ну же, не дуйся.

Голоса затихли в глубине коридора. Сяо Фэй услышал, как в комнату кто-то вошёл, но зажмурился ещё крепче. Ему было невыносимо стыдно за свой жалкий, унижительный вид.

— Ах, батюшки светы, да как же его уделали! Знать бы заранее, что этот слюнтяй Су задумал такое паскудство, на порог бы его не пустил! — запричитал вошедший. Говорил управляющий Южным двором — манерный мужчина, сам в прошлом торговавший телом, отчего голос его сохранил приторно-сладкие нотки.

У дверей всё ещё толпилось несколько зевак, которых никак не удавалось выгнать. Кто-то бережно приподнял Сяо Фэя и осторожно разжал его челюсти, осматривая окровавленные десны.

— У меня есть отличный лекарь и редкие снадобья. Я забираю этого бедолагу.

Мао Сяофэй попытался возразить, но рот обожгло такой невыносимой болью, что челюсти не сошлись. Казалось бы, лишился всего одного зуба, но эта тупая, изнуряющая боль пульсировала во всём теле, отдаваясь даже в кончики пальцев.

Тяжёлый золотой слиток переключался в ладонь управляющего Южным двором. Тот мгновенно расплылся в слащавой улыбке:

— Что ж, тогда не смею задерживать благородного господина. Небо милосердно, забирайте беднягу. С этого мгновения Павильон Весенней Груши умывает руки — если этот юноша вздумает жаловаться властям, мы тут совершенно ни при чём.

Управляющий говорил с его спасителем, но слова предназначались самому Сяо Фэю. Парень всё прекрасно понял, но сделать ничего не мог. Ноги его предательски дрожали и подкашивались, и он мог лишь безвольно висеть на руках чужих людей, увозящих его прочь.

<http://bllate.org/book/18429/1766236>